

ПУШКИНСКИЙ ВЕНОК

Первое исполнение концерта для хора Георгия Свиридова

Программа только что закончившегося IV съезда российских композиторов была насыщена не только докладами и дискуссиями, но и многочисленными концертами, призванными напомнить о лучших произведениях, что уже определены временем, и познакомиться с новыми, родившимися недавно. И, рассматривая содержание этих концертов, думаешь: идеально, когда наполнение торжественных мероприятий совпадает с естественным течением нашей музыкальной жизни.

Так случилось с первым исполнением нового сочинения композитора Георгия Свиридова «Пушкинский венок» — концерта для хора. Об этой премьере задолго оповестили афиши Большого зала Московской консерватории. Музыканты, любители хоровой музыки и творчества Свиридова ждали концерта с нетерпением. И это ожидание, нетерпение оказались более чем вознаграждены. Вечер в консерватории был озарен искусством высоким, вдохновенным, искренним и глубоким. В новом произведении композитора каждый мог увидеть, почувствовать или осознать строй своей души, может быть, определить, обозначить для себя что-то очень важное, дотоле живущее подсознательно, но схваченное разумом. Так бывает в те редкие, дорогие мгновения, когда берешь любимую книгу и в строках, знаемых почти наизусть, открываешь заново мысль, именно сейчас обращенную к твоему сердцу, твоему уму.

В «Пушкинском венке» Г. Свиридов соединил поэтические шедевры разных лет, разных тем, разных настроений, но музыкальное их прочтение и соединение создали нечто единое, что можно было бы определить как выражение мироощущения современного человека. Чуткая к движениям времени душа художника обращается не к Пушкину, а к нам, как бы напрягая связь отдаленных времен, подчеркивая важность ее «нераспадения». Думаю, самому композитору, еще остающемуся в работе над новым сочинением, — ибо оно лишь обретает свою исполнительскую плоть, устанавливается в стремлении исполнителей к идеальной форме его существования, — не видно еще до конца значения, содеянного им. В интервью, данном Свиридовым сразу после премьеры, он подчеркнул, что обращение к Пушкину — всегда желание прикоснуться, податься на неизмеримую едину

ницу расстояния к возвышенному миру пушкинского гения, что выбор произведений поэта был не преднамеренным, а естественным отзвуком, который вызвали в душе именно эти стихи.

Наверное, в этой естественности, в этом совпадении — не просто успех нового сочинения, а причина появления нового истинного произведения искусства. Свиридов как бы заполнил музыкай недописанное — пропущенные, не найденные в те давние минуты слова в пушкинской строке. Заполнил не словами, не уточнением мысли, а состоянием, которое могло вызвать рождение этого стихотворения, состоянием, которое и понятое и схваченное композитором, заставляет услышать Пушкина как современника нашего еще глубже, шире, многоплановее, значимее.

«Зорю быют...» — к этой части относятся все сказанное в первую очередь. Но не только. К хору, смело и точно соединившему стихотворения «Стрекотунья, белобока», «Колокольчики звенят» и строчки из альбома А. П. Керн в единое музыкальное целое — пронзительно звонкое, по-народному изобретательное, очень русское. Совсем краткая седьмая часть из пушкинского цикла «Подражания корану» стала поэтической основой значительнейшего музыкального эпизода, философски глубокого, драматически напряженного. Необходимо выделить здесь и предшествующую этой части пьесу «Наташа», полную очарования, музыкально отразившую стиль пушкинской лирики с едва уловимым оттенком улыбочкой иронии. Но, обращаясь к той или иной частям концерта, ловишь себя на желании делить его на части, — так естественно они переливаются одна в другую, так дополняют друг друга в развитии одной мысли и в контрастах, что разять их можно лишь искусственно. Думается, что в дальнейшем, когда будут преодолены трудности первых исполнений, трудности вхождения в материал (хотя те же высокие требования сочинения к исполнителям останутся), этот концерт для хора зазвучит единым потоком, не прерываясь для объявления частей и не соблазняясь аплодисментами между ними.

Ответственность представить впервые сочинение Г. Свиридова взяли на себя два камерных хора — Московский, руководимый народным артистом РСФСР, профессором В. Мияниным, и Новосибирский,

который возглавляет его ученик Б. Певзнер. Только с благодарностью и восхищением можно говорить о них. Ясность и чистота свиридовского стиля, глубинная мудрая простота его высказывания требуют не только технического совершенства исполнителей, но и интеллектуальной, духовной подготовки, которую необходимо пройти певцам хора под руководством дирижера и, может быть, автора сочинения. И это произошло — хор, соединенный из двух, смог стать чутким, одухотворенным, мыслящим... В этом сочинении нет ни малейшей детали, к которой исполнители могли бы отнестись с небрежением, — каждый мазок, самый мельчайший, виден и смыслово необходим. Каждая нота солиста на сцене или в кулисах была отработана, образна (солисты: народный артист СССР А. Ведерников, Н. Герасимова и две певицы, солирующие в «Зорю быют...», чьи имена, к сожалению, не отразила программа), а исполнительская концепция дирижера — ясная и, казалось, точно отвечала авторскому замыслу. Мияниным найдены тончайшие тембровые краски, и не ради колористической игры, а в соответствии с мыслью, характером, образом: в тонком тембровом намеке слышалось народное пение во второй и последней частях сочинения; особенно ровно, прямо, инструментально звучал хор в эпизодах «Зорю быют...» и «Встань, болязливый...»; переливчато, гибко звучали голоса в хорах «Мери» и «Наташа». С точностью архитектурной выстраивал дирижер кульминации на взлетах мысли и чувства, сочетая открытый темперамент с необходимой сдержанностью, с чувством меры.

Солист Большого театра СССР народный артист СССР А. Ведерников пел лишь в одной части «Пушкинского венка», правда, едва ли не центральной. Однако чувствовались огромная ответственность и желание певца найти важный образ, только для него необходимые краски. И Ведерников проявил себя истинно мыслящим художником.

Собственно, таковыми были все, кто творил музыку в этот вечер. Никто не утверждал себя, а все отдавали свой талант, ум, сердце во имя рождения нового и высокого в музыке, во имя движения, развития нашего искусства. И вот накануне 180-летия со дня рождения великого русского поэта к подножию его памятника положен прекраснейший «веночек».

Ольга ДОБРОХОТОВА.